

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510

EDN: YIPEIC

Религиозность, религиозная идентичность и безопасность населения регионов азиатского приграничья России в условиях постсекулярной реальности*

**Д.А. Омельченко^{1,2}, С.Г. Максимова^{1,2}, О.Е. Ноянзина¹,
П. Цэденбал², Ч.Б. Мунхбаяр²**

¹Российский биотехнологический университет,
Волоколамское ш., 11, Москва, 125080, Россия

²Алтайский государственный университет,
ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия

³ Филиал Западного региона Монгольского государственного университета,
Жаргалант баг, Ховд аймаг, Жаргалант сум, Ховд, 84000, Монголия

(e-mail: omelchenko@socio.asu.ru; Svet-maximova@yandex.ru; noe@list.ru;
purevsuren.khu@gmail.com; munkh9998@gmail.com)

Аннотация. Постсекулярное общество, формирующееся в условиях этнического и конфессионального многообразия, характеризуется сосуществованием и взаимопроникновением традиционных религиозных практик, индивидуализированных форм духовности и секулярных установок, что создает уникальные вызовы и возможности для обеспечения духовной безопасности и социальной стабильности. В статье рассматриваются особенности религиозности, религиозной идентичности и восприятия безопасности в регионах азиатского приграничья России (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва) на основе данных социологических опросов, проведенных в 2024 году. Применение индекса центральности религиозности и методов статистического моделирования позволило выявить многоуровневую структуру религиозного сознания и специфику его влияния на субъективные оценки личной и духовной безопасности, а также на общее социальное самочувствие населения. Результаты опросов показали, что религиозность и религиозная идентичность выступают значимыми факторами духовной безопасности, однако их влияние зависит от регионального этноконфессионального контекста. В регионах с преобладанием традиционных религиозных практик религиозная идентичность тесно связана с ощущением защищенности, тогда как в более секуляризованных сообществах духовная безопасность приобретает нерелигиозное содержание. Кроме того, восприятие угроз духовной безопасности во многом определяется религиозными установками и уровнем религиозной интеграции личности. Представленные данные расширяют представления о религиозности как сложном социально-психологическом конструкте в постсекулярном обществе и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения меха-

*© Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Цэденбал П., Мунхбаяр Ч.Б., 2026
Статья поступила в редакцию 04.08.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

низмов духовной безопасности в многонациональных и поликонфессиональных приграничных регионах.

Ключевые слова: постсекулярное общество; этноконфессиональное разнообразие; религиозность; религиозная идентичность; духовная безопасность; азиатское приграничье

Для цитирования: Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Цэденбал П., Мунхбаяр Ч.Б. Религиозность, религиозная идентичность и безопасность населения регионов азиатского приграничья России в условиях постсекулярной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 491–510. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510> EDN: YIPEIC

Религия как механизм социальной регуляции значительно трансформируется под влиянием изменений, характерных для постсекулярного мира. Священное и профанное, религиозное и секулярное перестают восприниматься как противоположности, уступая новым, гибридным по форме моделям репрезентации социальной реальности [4; 13]. В качестве новых тенденций исследователи отмечают ориентацию на духовность и медитативные практики без привязки к конкретной религии [24], формирование религиозных движений, интегрирующих научные и псевдонаучные знания [1; 10], распространение практик «сетевой религиозности», формирующих личную «историю» посредством цифровых ресурсов и медиа и способствующих взаимовлиянию цифрового и «аналогового» религиозных миров [16; 17]. Эти и другие феномены ставят под сомнение как поступательную секуляризацию, так и возврат к домодерновому опыту проживания религиозности, характеризуются гибкостью, индивидуализацией и деинституционализацией, сочетанием традиционных и модернизационных ориентаций, трансгрессией частного и публичного [6; 20].

С начала 2000-х годов «религиозный вопрос» отчетливо ассоциируется с проблемами безопасности в связи с актуализацией угроз терроризма и международной преступности [23]. Российский дискурс, помимо аналогичного тренда, подчеркивает роль религии в сохранении и укреплении нравственных ценностей, патриотизма и гуманизма, гармонизации межконфессиональных отношений, церковно-государственного сотрудничества в противодействии деструктивным явлениям в религиозной сфере [3; 7].

В условиях поликонфессиональности и постсекулярности как интерпретационной рамки [25], в которой представления о линейном развитии общества от традиционного к современному (безрелигиозному) сменяются признанием секулярных и десекулярных (П. Бергер) тенденций, возникают закономерные вопросы о том, как структурировано религиозное сознание, как представления о религии взаимосвязаны с проявляющимися в реальном этноконфессиональном пространстве религиозными идентичностями, как религиозность и религиозная идентичность соотносятся с императивами безопасности, в том числе в плоскости духовных потребностей, особенно в мультикультурных российских регионах, где приграничное положение соз-

дает особые условия для межрелигиозных взаимодействий и взаимовлияния конфессий. Обширная зона контакта с соседними государствами, высокая миграционная активность и трансграничные связи в приграничье способствуют воспроизводству этнического многообразия и формированию диаспор по обе стороны границы. Динамика развития приграничных регионов часто характеризуется дисбалансом модернизации по отношению к центру и к прилегающей территории иной страны [12].

Учитывая актуальный «поворот на Восток», в фокусе политического и научного внимания оказываются приграничные регионы азиатской части России — огромные слабо заселенные площади Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Спецификой данных регионов является высокий удельный вес и численность тех народов, что составляют основное население соседних государств — казахов, китайцев, монголов и корейцев, исторически сложившиеся в результате форсированных и добровольных процессов заселения фронта особые отношения пришлых и местных, единоверцев и иноверцев [11]. Цель исследования — анализ показателей религиозности, религиозной идентичности и безопасности на основе социологических опросов населения трех регионов азиатского приграничья, отличающихся по этноконфессиональному составу (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва), выявление взаимосвязи между религиозными установками, субъективными оценками безопасности и показателями социального самочувствия. Полученные данные позволяют представить обобщенную модель, релевантную для данной зоны азиатского приграничья, выявить факторы, стимулирующие или ограничивающие религиозные практики, уточнить особенности взаимовлияния религии и безопасности населения на региональном уровне.

В отношении измерения религиозности не существует строгих канонов. Перечень возможных показателей включает убеждения, мнения о религиозных нормах и ценностях, проявления религиозных чувств, индивидуализированное поведение (молитва, чтение религиозных текстов), коллективные практики (посещение церковных служб, участие в религиозных праздниках, благотворительной, просветительской деятельности) [21; 26]. Авторы опираются на методологический подход Ш. и О. Хуберов, согласно которому религиозность — многомерный психосоциальный конструкт, состоящий из интеллектуального (когнитивного) измерения (система знаний о религиях, интерес к религиозным вопросам, оценка важности религии в жизни отдельного индивида и общества), идеологического (содержание верований, отношение к религиозным институтам, взаимодействие между формальными религиями, властью и обществом), публичного (внешние проявления религиозной идентичности, измерения частных практик, аспекты духовных практик как часть личного пространства) и религиозного опыта (восприятие религиозных явлений, религиозные чувства и опыт

взаимодействия с трансцендентным) [22]. Индекс центральности религиозности (Centrality of Religiosity Scale), сконструированный на основе данного подхода, позволяет оценить выраженность указанных измерений в поликонфессиональной среде. Стандартизированные оценки по индексу дополнялись самооценкой религиозности по 10-бальной шкале (0 — полное неверие в бога) и вопросами о религиозной идентичности, операционализация которой осуществлялась путем выделения двух осей: внешней, формально-идеологической — на основе показателей вероисповедания, принадлежности к религии (по аналогии с гражданством, профессией, общественно-политическими предпочтениями и пр.), и внутренней, субъективно выраженной (сила ощущаемой близости с представителями своего вероисповедания).

Инструменты оценки безопасности в сфере духовных отношений также в значительной степени дискуссионны. Отечественные публикации сконцентрированы на анализе дефиниций, внешних признаков духовного кризиса и угроз духовной безопасности (см., напр., [2; 5; 8; 9]), тогда как в зарубежных публикациях духовная безопасность чаще рассматривается как проявление психического, экзистенциального благополучия (см., напр.: [18; 19]). Принимая во внимание ограничения неустоявшихся методологических подходов, в ходе исследования использовалась комбинированная методика, в которой субъективная оценка защищенности в духовной сфере сопоставлялась с общей оценкой личной безопасности и субъективного благополучия. В инструментарий также были включены показатели распространенности угроз духовной безопасности, дифференцированные по сферам общественной жизни. Широкий подход к пониманию духовного как противоположного материальному, а духовности — как не тождественного религиозности качества внутреннего опыта человека, его внутренних переживаний, которые на социетальном уровне тесно связаны с объединяющими началами общества, моралью, нравственностью, духовными традициями, позволил включить в список (17 показателей) разноплановые проявления бездуховности — от равнодушия и недостатка ответственности до нарушений законодательства. Задачей исследования было выявление актуализированных в общественном сознании угроз и их взаимосвязей с показателями религиозности и религиозной идентичности: согласно гипотезе, на восприятие угроз безопасности в духовной сфере влияет религиозный фактор. Эмпирическая основа статьи — результаты социологических опросов (в гибридном формате — онлайн анкетирование и личные интервью) населения Алтайского края, Республики Алтай и Республики Тыва, проведенные в 2024 году. В каждом регионе в опросе приняли участие 400 человек старше 18 лет, выборка квотная, контролируемой по показателям пола, возраста и места проживания (город и село).

Конфессиональная мозаика азиатского приграничья: между институциональной и индивидуальной религией

В опросах общественного мнения и научных публикациях последних лет (см., напр.: [15]) фиксируется тенденция смещения религиозности из институциональной в индивидуальную сферу, что проявляется в отказе следовать традиционным церковным предписаниями и в большей осознанности внутренних переживаний и религиозного опыта. Пандемия еще больше усилила отход в сторону индивидуализированной и все более «викарной» религии, когда вместо личного присутствия воцерковленному меньшинству и духовенству делегируются функции отправления религиозных ритуалов, или участие осуществляется в дистанционном формате. На долю «верующего большинства» остается индивидуальное, иногда полностью лишенное мистического переживания чувство сопричастности общей религиозной культуре.

Религиозная ситуация в приграничье продолжает определяться сильным присутствием традиционных религий: 35,8 % идентифицировали себя как православных (не ответивших 6,7 %), 2,3 % отнесли себя к другим христианским конфессиям (католичество, протестантизм, пятидесятничество, адвентизм и др.), доля буддистов — 9,6 %, лиц, сочетающих буддизм и шаманизм — 3,7 %, исключительно шаманизм — 2 %, последователей ислама — 2,7 %, алтайской веры (бурханизма) — 4,5 %. Около трети опрошенных отнесли себя к неверующим, 2,2 % — последователи других религий, 5,9 %, имеют диффузную идентичность и не могли сказать, верят они или нет и во что именно. В Алтайском крае православие доминирует (более 70 %), в Республике Алтай православных около 57 %, в Республике Тыва — 11,5 %. В Республике Алтай, кроме православия, значимыми религиями являются ислам (17,6 %) и «алтайская вера» — бурханизм (11,8 %). В Республике Тыва около 58 % исповедуют буддизм, 15,4 % — сочетание буддизма и шаманизма, 7,7 % — христиане. Только в Алтайском крае 3,2 % указали, что не считают себя верующими.

Значения индекса религиозности (CRS) также указывают на значимость религиозности как характеристики сознания, оказывающей организующее влияние на жизнь человека, его взаимоотношения с окружающими, формирование специфических социальных связей и активностей. Среднее значение индекса по выборке — 2,62 балла (чуть выше среднего по России), низкий уровень (1–2 балла) выявлен у 31,1 %, средний (от 2,06 до 3,94 балла) — у 60,4 %, высокий (от 4 до 5 баллов) — у 8,5 %. Оценки по индексу более «усредненные» по сравнению с самооценкой, по которой количество лиц с «нулевой религиозностью» составило 13,4 %, 26,7 % имели низкие оценки (в совокупности 40,1 %), 16,6 % — высокие, 43,3 % — средние. В целом взаимосвязь между самооценкой и индексом центральности религиозности достаточно высокая и статистически достоверная: коэффициент корреля-

ции г в Алтайском крае — 0,65, в Республике Алтай — 0,72, в Республике Тыва — 0,58 ($p < 0,01$).

Наибольший индекс религиозности был выявлен у жителей Республики Тыва (2,95), наименьший — в Алтайском крае (2,55), в Республике Алтай — промежуточные значения (2,73). Женщины обладают достоверно более высоким уровнем религиозности (2,75), чем мужчины (2,39), а молодежь до 30 лет — более низким (2,5), чем у лиц среднего (2,63) и старшего (2,70) возраста. При этом религиозность не зависит от образования, доходов и социального статуса. Сравнение по вероисповеданию показало, что основные различия наблюдаются между не считающими себя верующими или имеющими неопределенную идентичность и теми, кто сделал осознанный конфессиональный выбор. Максимальные значения имели последователи ислама (3,48 балла), но различия в уровне религиозности между конфессиями лежат в пределах статистической погрешности ($F_{df=143}=1,389$, $p = 0,192$).

Важной характеристикой религиозной идентичности, отражающей ее имманентную социальность, выступает близость связей с единоверцами: около трети (27,6 %) испытывают привязанность к представителям «своей» религии (по сумме положительных ответов), 18,3 % — крайне редко, 20,5 % — никогда. Необходимые для функционирования религиозных сообществ такие связи выступают в качестве «социального клея», в более широком социальном контексте обеспечивая чувство единства с людьми со схожими общекультурными ориентациями, не обязательно напрямую связанными с верой: взаимосвязь с индексом центральности религиозности по tau-b Кендалла составила 0,35, с самооценкой религиозности — 0,49 ($p < 0,01$). Таким образом, в структуре религиозной идентичности жителей приграничных территорий религиозность — важный, но не единственный элемент самосознания, определяющий выбор в системе межконфессиональных связей и идентификаций.

Религиозность и безопасность: через физическую уязвимость к духовной стабильности и угрозам национальной духовной безопасности

Анализ ответов на общий вопрос «Насколько в целом Вы ощущаете себя в безопасности?» показал, что только 20,4 % ощущают себя полностью в безопасности, 44,4 % испытывают чувство относительной защищенности, 21,5 % — некоторую уязвимость, 5,5 % совсем не ощущали себя в безопасности (совокупная доля положительных ответов — 64,8 %, отрицательных — 27 %, затруднились с ответом — 8,2 %). Взаимосвязь ответов с полом незначима, а с возрастом — нелинейная: максимум отрицательных ответов дали респонденты в возрасте 31–49 лет (32,2 %), в младшей и старшей возрастных группах уровень воспринимаемой уязвимости ниже (24,9 и 29,6 %). Различия по уровню образования статистически не достоверны, но заметна тенденция

лиц с высшим образованием ощущать себя в менее защищенном положении (32 %, среди лиц с меньшими образовательными уровнями — в среднем 25,1 %). Материальное благополучие оказывает самый сильный эффект: доли отрицательных ответов «богатых» и «бедных» (по самооценке) различаются почти в 2 раза (47–51 % отрицательных ответов среди бедных и 23–29 % среди богатых). То есть уже на уровне социально-структурных факторов различия в оценках говорят об антагонизме социальных позиций по уровню безопасности (более «доступна» привилегированным или менее подверженным рефлексии категориям населения).

Уровень оцениваемой духовной безопасности несколько выше общей (личной) безопасности. Положительно на вопрос «Насколько Вы чувствуете себя защищенным(ной) в духовном плане?» ответили 76,3 % (28,5 % ощущали себя полностью в безопасности). В опасном положении находятся 2,3 % (доля затруднившихся с ответом — 8,7 %), больше всего духовно уязвимых в Алтайском крае (20 %). Духовная уязвимость присуща лицам с невысоким уровнем образования — не выше среднего профессионального (21–24 % отрицательных ответов), тогда как образованные граждане чаще ощущают себя в духовной безопасности (14,3–15,7 %). Оценки также коррелируют с финансовым благополучием: наиболее защищенными в духовном плане себя чувствуют лица со средней и достаточной обеспеченностью (доля уязвимых в этих группах — 12,1 % и 15, 8 %). Больше всех уязвимых среди тех, кто живет очень бедно (46,7 %) и бедно (33,6 %) или, напротив, богато (20,8 %). Контраст оценок духовной и личной (физической) безопасности и разная направленность воздействия ключевых факторов указывают на необходимость дифференцированного подхода к анализу разных видов безопасности в силу их несводимости к одному показателю.

Обращение к религии ассоциируется с чувством защищенности, устойчивости духовного «Я»: респонденты, у которых ценность религии является одной из ведущих, имеющие более высокие показатели религиозности, те, кто воспитывался в религиозных семьях, реже ощущают себя в уязвимом положении (среди разделяющих религиозные ценности — 8,6 %, среди тех, кто не указал их в качестве значимых, — 17,2 %, среди лиц, воспитывающихся в очень религиозной семье — 13,9 %, умеренно религиозной — 12,8 %, слабо религиозной — 19,3 %, не религиозной — 16,9 %, среди лиц с низкой религиозностью — 14,5 %, средней — 18,4 %, высокой — только 7,9 %).

Оценивая свое эмоциональное состояние, характеризующее не только индивидуально-психологические особенности, но и оценку общественного благополучия, только 8,3 % отметили, что чувствовали прилив духовных и физических сил, 17,5 % — находились в состоянии душевной гармонии, спокойствия, 44 % — чувствовали себя относительно нормально (69,8 % положительных или нейтральных ответов), 17 % испытывали эмоциональное напряжение, 3,8 % — апатию, безысходность, потерю смысла жизни, 9 %

не смогли идентифицировать свои чувства. Социально-демографические различия прослеживаются в основном в выборе крайних позиций (безысходности или душевного подъема), тогда как центральные позиции, указывающие на относительно стабильное положение, примерно схожи. Как и по остальным показателям безопасности, не обнаружено значимых различий по полу, но чаще всего прилив духовных и физических сил испытывали респонденты до 30 лет (14,3 %), а в старших возрастах эта доля резко снижается (до 6–8 %). Аналогичная ситуация прослеживается в отношении образования: чем выше уровень образованности, тем реже отмечается прилив душевной энергии — среди лиц с высшим образованием 9,6 %, со средним профессиональным — 12,9 %, с основным общим — 17,9 %. Взаимосвязь между социальными настроениями и материальным положением неоднозначна: с одной стороны, финансовое благополучие защищает от апатии и безысходности (таковых среди бедных в десять раз больше, чем среди богатых, — 20 % и 2,1 %); с другой стороны, яркие положительные эмоции испытывают либо самые бедные (26,7 %), либо самые богатые (29,2 %) — у респондентов со средним достатком скорее нормальное самочувствие (50 %).

Корреляция социальных настроений с оценками духовной безопасности составила $\tau\text{-}b=0,33$, с общей оценкой безопасности $\tau\text{-}b = 0,41$, что указывает на их общую семантическую составляющую. По индексу религиозности максимальные различия наблюдались между лицами с высоким уровнем религиозности, существенно чаще испытывающими прилив духовных и физических сил (18 %) и всеми остальными (7,6–8,6 %). В отношении апатии и безысходности соотношение ответов иное: если у лиц с низким уровнем религиозности такое состояние наблюдалось в 1,6 чаще, чем по выборке (6 %), то среди лиц со средним и высоким уровнем — в два раза реже (3 %). Лица с высокой религиозностью существенно реже испытывали эмоциональное напряжение, раздражение и беспокойство (9,4 % против 20 % в других группах), в то время как доли лиц с нормальным самочувствием были сопоставимыми. Таким образом, результаты предварительного анализа подтверждают гипотезу о защитной роли религиозности как личностного и социального конструкта, способствующего формированию внутренних ресурсов, которые помогают справиться с нестабильностью и неопределенностью окружающего мира, обеспечивают позитивный взгляд на мир. Между тем такой подход, учитывающий общие оценки религиозности, религиозной идентичности и безопасности, дает только поверхностное знание о механизмах из взаимовлияния, что требует их горизонтального (учет различных компонентов) и вертикального (выход за пределы индивидуального уровня) расширения, что и было сделано на основе анализа угроз духовной безопасности на уровне региона и страны.

Учитывая геополитическую ситуацию, усиление государственного регулирования ценностно-идеологической сферы и формирование семей-

ной политики, ориентированной на традиционные модели супружеского и родительского поведения, многие ответы были ожидаемыми. Основные угрозы, по мнению опрошенных, — разрушение традиционных семейных ценностей (41,6 %), разрыв в восприятии мира между бедными и богатыми (41,5 %), равнодушие и безответственность людей (40,4 %); деградация общей культуры, снижение уровня образованности, интеллектуального уровня граждан (39 %), низкое качество образования и школьного воспитания (35,2 %); проблемы домашнего насилия, негативного влияния западных ценностей и массовой культуры (26,9 %); каждый пятый обеспокоен преступностью и отсутствием общественного консенсуса по вопросам национального развития.

Факторный анализ показал, что оценки угроз укладываются в шесть основных компонент (табл. 2). Первый фактор — *угрозы российским традиционным ценностям*: максимальные нагрузки имеют варианты «разрушение традиционных семейных ценностей, низкое качество семейного воспитания» (0,75) и «влияние западных ценностей и массовой культуры» (0,46). Второй фактор — *угрозы, проявляющиеся в межнациональных и межконфессиональных отношениях*: «расовая и этническая нетерпимость, межнациональная вражда» (0,56), «противостояние и враждебность между различными религиозными течениями» (0,7), «непонимание и конфликты между коренным населением и мигрантами» (0,47). Третий фактор — *внешнеполитические угрозы духовной безопасности*: «информационные угрозы со стороны Запада, распространение ложной информации» (0,78) и «влияние западных ценностей и массовой культуры» (0,56). В четвертый фактор с максимальной нагрузкой вошли угрозы «рост преступности, криминализация общества» (–0,46), «распространение новых религий, деструктивных религиозных течений и культов» (0,72) и «религиозный фундаментализм, экстремизм» (0,58) — фактор, связанный с деструктивными явлениями, а различающийся знак нагрузки, видимо, обозначает противопоставление массовых и уникальных явлений — указывает на наличие (религиозный фундаментализм, экстремизм) или отсутствие (массовая преступность, криминализация) идеологической (религиозной или политической) мотивации девиантного поведения. Пятый фактор связывает *экзистенциальные угрозы* (равнодушие и безответственность) (–0,61) с деградацией культуры (0,61), упадком науки, инновационного и интеллектуального развития граждан (0,43). В шестом факторе нашли отражения опасения в отношении *ценностного раскола и отсутствия единства* по важным вопросам, связанным с развитием страны — идеологический кризис (0,56), отсутствие национальной идеи и сплоченности граждан (0,76) (о том, что такие угрозы имеются, сообщил каждый пятый). В целом факторная структура достаточно информативна и описывает 69,4 % дисперсии.

Таблица 1

Результаты факторного анализа духовных угроз (метод главных компонент, нагрузки после вращения Varimax (показаны нагрузки выше 0,4))

Духовные угрозы	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Разрушение традиционных семейных ценностей, низкое качество семейного воспитания	0,75					
Влияние западных ценностей и массовой культуры	0,46		0,56			
Противостояние и враждебность между различными религиозными течениями		0,7				
Расовая и этническая нетерпимость, межнациональная вражда		0,56				
Непонимание и конфликты между коренным населением и мигрантами		0,47				
Информационные угрозы со стороны Запада, распространение ложной информации			0,78			
Распространение новых религий, деструктивных религиозных течений и культов				0,72		
Религиозный фундаментализм, экстремизм				0,58		
Рост преступности, криминализация общества				–0,46		
Равнодушие и безответственность людей					–0,61	
Деградация общей культуры, снижение уровня образованности, интеллектуального уровня граждан					0,61	
Упадок науки, технического, инновационного развития					0,43	
Ценностный раскол, отсутствие единства по важным вопросам, связанным с развитием страны						0,76
Идеологический кризис, отсутствие национальной идеи, сплоченности граждан						0,56

Далее факторы угроз были сохранены как отдельные, и с ними был проведен корреляционный анализ на предмет выявления взаимосвязей с религиозными показателями: религиозность достоверно взаимосвязана с оценками угроз трех типов — российским традиционным ценностям (первый фактор) ($r_{\text{самооценка}} = -0,18$, $r_{\text{CRS}} = -0,27$, $r_{\text{рел.идент.}} = -0,21$, $p < 0,001$), внешними информа-

ционными угрозами (третий фактор) ($r_{\text{самооценка}} = 0,1$, $r_{\text{CRS}} = 0,17$, $r_{\text{рел.идент.}} = 0,14$, $p < 0,001$) и угрозами культурного развития (пятый фактор), в то время как угрозы межгрупповых отношений, идеологические и угрозы деструктивной деятельности оценивались независимо от характеристик религиозного сознания и установок.

Результаты статистического моделирования механизма взаимовлияния

На последнем этапе анализа все рассмотренные выше показатели были сведены в единую статистическую модель (рис. 1), оцениваемую с помощью метода структурных уравнений (SEM). Формула модели включала уравнения, позволяющие проверить гипотезы о взаимовлиянии компонентов религиозности (по индексу CRS), религиозной идентичности, личной и духовной безопасности, угроз духовного развития общества: на опросных данных подтвердились предположения, что личная безопасность и социальные настроения в значительной степени определяются оценками безопасности в духовной сфере ($\beta = 0,456$, и $\beta = 0,370$). Духовная безопасность на индивидуальном уровне, в свою очередь, зависит от выраженности трех составляющих религиозности: публичного компонента ($\beta = 0,134$), близости с единоверцами ($\beta = 0,1$) и самооценки ($\beta = -0,14$). Поскольку высокие значения зависимой переменной соответствуют состоянию уязвимости, а низкие — безопасности, внешние проявления религиозности (участие в религиозных службах, слушание проповедей, работа в общине, близость с единоверцами) ассоциируются с потерей духовного спокойствия, а внутренняя религиозность, напротив, соответствует более высоким оценкам. Среди других выявленных взаимосвязей отметим, что на восприятие угроз российским традиционным ценностям оказывают воздействие степень близости к единоверцам ($\beta = -0,113$) и идеологический компонент религиозности ($\beta = -0,158$), что говорит о формировании картины мира, в которой усвоенные религиозные нормы коррелируют с установками, транслируемыми в публичном пространстве (схожая ситуация с угрозами семейным ценностям). В отношении экзистенциальных угроз было выявлено три значимых детерминанты — интеллектуального компонента религиозности ($\beta = 0,455$), публичных практик ($\beta = -0,440$) и религиозного опыта ($\beta = -0,231$). Учитывая, что положительный полюс фактора определялся через оценку состояния науки и культуры, а отрицательный — через нравственные составляющие (ответственность и эмпатию), интеллектуальная активность в религиозной сфере ассоциируется с обеспокоенностью состоянием культуры и проблемами научно-технического развития, тогда как публичное проявление религиозности и трансцендентный опыт «высвечивают» проблемы равнодушия и безответственности.

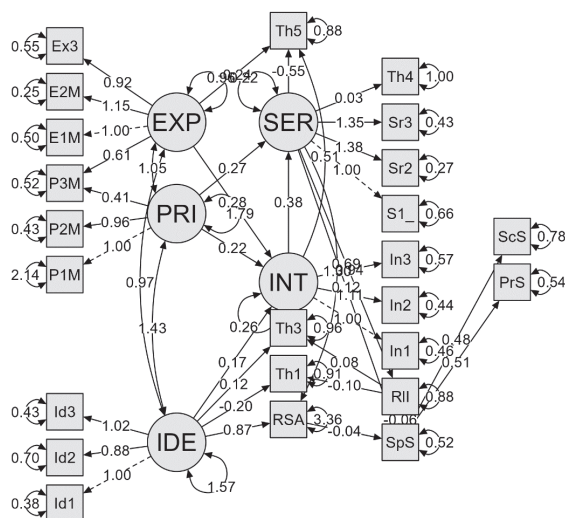

Рис. 1. Модель взаимосвязей показателей религиозной идентичности и духовной безопасности (CFI = 0,929, TLI = 0,917, RMSEA = 0,059, $\chi^2 = 1748,345$, $p < 0,001$)

На завершающем этапе анализа мы апробировали модель на региональных подвыборках, что позволило выявить особенности взаимосвязей между отдельными аспектами религиозной идентичности и духовной безопасности с учетом региональных особенностей. Для Алтайского края не получили подтверждения связи между индивидуальными оценками духовной безопасности, публичными практиками, близостью с единоверцами и религиозной самооценкой (только на уровне статистической тенденции). Первый фактор угроз (семейным ценностям) также не был связан с религиозной идентичностью, а третий фактор (внешних информационных угроз) — с идеологическим измерением религиозности. Отсутствие связей не означает, что жители региона не придают значения этим угрозам — по обоим факторам оценки в Алтайском крае были одними из наиболее высоких среди регионов. Скорее речь идет о единстве мнений и отсутствии раскола по религиозному признаку — важность сохранения крепких семей на основе традиционных ценностей в равной степени признавали как верующие, так и неверующие. Все связи между показателями религиозности сохранились, подтвердилась и обусловленность показателей социальных настроений и общей безопасности оценками духовной безопасности. В отношении угроз экзистенциального плана выводы, сделанные на общей модели, также нашли свое подтверждение.

Для Республики Тыва также не подтвердилось влияние на уровень субъективно воспринимаемой духовной безопасности со стороны публичного измерения религиозности и самооценки, а на выраженность угроз семейным ценностям и традиционным основам общества — со стороны оценки близости к единоверцам. Также не подтвердилась связь

религиозного опыта и оценок угроз духовной безопасности по пятому фактору. Однако, если в Алтайском крае незначимость этих связей может быть связана с достаточно низким уровнем религиозности населения, то в Республике Тыва, где этот уровень один из самых высоких, речь может идти об особенностях религиозного самосознания тувинцев, в значительной степени сохраняющих черты традиционного общества и, значит, независимо от вариативности религиозности, сфокусированных на вопросах сохранения семьи и семейных ценностей. Кроме того, в Республике Тыва доля давших отрицательные оценки своей духовной безопасности существенно ниже, чем в Алтайском крае и Республике Алтай. Предположение об уникальности религиозной ситуации подтверждается и некоторыми коэффициентами. Так, стандартизированный коэффициент взаимосвязи между частными духовными практиками и публичными проявлениями религиозности в Тыве очень высок ($\gamma = 0,808$, $p < 0,001$) — в 1,6 раз выше, чем в Алтайском крае. Направленность коэффициента означает, что чем более значимы молитва и медитация в частной жизни, тем более важны посещение публичных молебнов и других ритуалов. И если в Тыве публичные практики действительно имеют религиозный характер, то в Алтайском крае они в большей степени формальны, поскольку религиозная идентичность чаще принимает культурные, а не религиозные формы.

В Республике Алтай третий фактор духовных угроз не имеет значимых связей с показателями религиозности. Как и в других регионах, фактор угроз семейным ценностям оказался незначимо детерминирован религиозной идентичностью (по связям с единоверцами). Оценка духовной безопасности не имеет связей с самооценкой религиозности и ее публичным измерением, а из детерминант интеллектуального измерения выпала связь с приватными практиками: видимо, интеллектуальное измерение рассматривается в республике как фактор, обуславливающий публичное поведение, и эта связь получила статистическое подтверждение. Дополнительно в число детерминант близости с религиозным сообществом вошло идеологическое измерение. На интеллектуальные практики религиозности оказывают воздействие ощущение личной веры и опыт взаимодействия с сакральным, тогда как молитва и медитация не так важны, иными словами, происходит трансформация ритуальных практик в сторону их обращения во внутренний мир и установления взаимосвязей с когнитивными процессами. В свою очередь, публичная демонстрация религиозности в большей степени опосредована интеллектуальной деятельностью, а уже потом необходимостью перенесения в публичное пространство приватных практик. Но публичное измерение очень важно, поскольку повышает самооценку религиозности и усиливает связь с единоверцами, что повышает уровень субъективно воспринимаемой духовной безопасности.

Религиозная идентичность — многомерный феномен, имеющий внешние и внутренние, индивидуальные и социальные, когнитивные и эмоциональные, оценочные и поведенческие проявления. Современные концепции религиозной идентичности подчеркивают роль осознанного выбора и целенаправленных усилий наряду с традиционными механизмами и принадлежностью к религиозному сообществу, социальных коммуникаций и ситуативных факторов в конструировании религиозной идентичности. Опираясь на пятичастную структуру религиозности, мы постарались, во-первых, проверить эмпирическую адекватность такой структуры, во-вторых, установить, как одни измерения влияют на другие, в-третьих, увязать их с другими показателями религиозной идентичности и, в-четвертых, показать, что религиозность, религиозная идентичность тесно связаны с показателями духовной безопасности населения приграничных регионов.

Конфирматорный факторный анализ подтвердил кросс-культурную и внутристрановую устойчивость пяти измерений религиозности, однако в моделях для регионов мы были вынуждены добавить одну перекрестную связь, которая возможно, указывает на некоторую специфичность религиозности в приграничье и объединяет спонтанные религиозные практики (внезапную молитву по незапланированным случаям) с опытом взаимодействия с трансцендентным. Одновременно было установлено, что на интеллектуальную активность в религиозной сфере значимое влияние оказывают показатели опыта, личной веры и частных практик, которые имеют скорее чувственное содержание и выступают в качестве стимулов для переосмысления, рационализации религиозных чувств и переживаний. В свою очередь, интеллектуальная активность вместе с частными проявлениями религиозности определяют потребности в ее публичной демонстрации и установления взаимосвязей с другими членами религиозной общины (прихода, организации). Эти внешние связи и совместные коллективные действия участвуют в формировании чувства принадлежности к религиозному сообществу. В итоге самооценка религиозности, будучи результатом субъективного осознания и осмысления своей религиозности, актуализированная в момент проведения опроса, зависит как от внутренних детерминант (религиозной веры и интериоризации церковных догматов), так и от участия во внешней религиозной жизни.

Уровень духовной безопасности населения приграничных регионов довольно высок, оценки не имеют гендерных детерминант, но в наиболее уязвимом положении находится поколение, чье активное взросление пришлось на период длительного отсутствия публично демонстрируемой религиозности, сменившийся на слабо регулируемую либерализацию конфессиональной политики в 1990-е. Несмотря на то, что духовное и материальное представляют две противоположные ипостаси, их явная связь указывает

на первичность материальных потребностей и необходимость их удовлетворения по крайней мере на минимальном уровне, чтобы духовная безопасность воспринималась как достаточная. Получение образования оказывает защитный эффект — с повышением уровня образованности растет ощущение духовной защищенности. Религиозность, религиозное воспитание в семье, ориентация на религиозные ценности также формируют чувство духовной защищенности.

Оценки духовной безопасности связаны с оценками общей безопасности и социальными настроениями. Только пятая часть жителей приграничья высоко оценивают собственную безопасность, остальные испытывают сомнения или отмечают уязвимость своего положения. В Алтайском крае — крупном урбанизированном регионе — уровень субъективно оцениваемой безопасности ниже, чем в национальных республиках. Для оценок общей безопасности важны те же факторы, что и для духовной безопасности, но их воздействие различается: материальное положение однозначно ассоциируется с возможностями обеспечения безопасности, тогда как высшее образование, напротив, способствует осознанию уязвимости и часто сопровождается потерей душевных сил и энергии. Религиозность — способ преодоления негативных настроений, обретения смысла существования: среди религиозных людей почти в два раза меньше тех, кто испытывает напряжение и безысходность, и больше тех, кто испытывает положительные чувства.

Общая модель взаимосвязи религиозной идентичности и безопасности подтвердила предположение, что оценки личной безопасности и социальные настроения в значительной степени определяются показателями духовной безопасности, выступающей в качестве их определяющего фактора. На духовную безопасность, помимо отдельных социально-демографических и экономических факторов, положительное воздействие оказывает религиозная идентичность (осознание своей религиозности), что сопровождается высокой самооценкой себя как верующего человека, и ощущение тесной связи с единоверцами. В то же время публичные проявления религиозности способствуют усилению беспокойства относительно духовной безопасности, что, вероятно, связано с проповеднической деятельностью духовных лидеров, часто акцентирующих внимание на социальных и духовных проблемах современности. Чем больше ощущаемая близость со своей религиозной группой и сильнее вера в бога, тем более значимы для респондента угрозы семейным и традиционным ценностям, в то время как на восприятие угроз в сфере науки, культуры и образования наибольший эффект оказывают факторы интеллектуального и публичного измерений религиозности, а также фактор религиозного опыта.

В региональных моделях, при сохранении общих взаимосвязей между отдельными компонентами религиозности и религиозной идентичности, вос-

приятия угроз в культурной, образовательной и научной сферах, детерминации общей безопасности и социальных настроений со стороны духовной безопасности населения, наблюдаются свои особенности. Так, в Алтайском крае оценки духовной безопасности практически не связаны с личной религиозностью, участием в богослужениях и связями с религиозными сообществами, т.е. духовная безопасность воспринимается в секулярном контексте и что среди населения эти измерения религиозности не слишком выражены и значимы. В Республике Тыва индивидуальная духовная безопасность не зависит от публичного измерения, но тесно связана с религиозной идентичностью, причем в регионе более выражена зависимость между частными и публичными религиозными практиками. Особенности Республики Алтай — необусловленность восприятия угроз традиционным ценностям характеристиками религиозного сознания и поведения, отсутствие связи между оценками угроз распаду семейным ценностям, встроенностью в религиозную общину и интеллектуальным измерением — с одной стороны — и приватными практиками — с другой.

Таким образом, оценка угроз духовной безопасности дифференцируется в зависимости от того, какое измерение религиозности эти угрозы затрагивают в большей степени, тогда как религиозность, религиозная идентичность выступают важным защитным фактором духовной безопасности личности, а через нее — населения. Между тем очевидно, что духовность населения получает защиту от религии только в регионах и группах с традиционным укладом жизни и более высокими показателями религиозности, тогда как в регионах с преобладающим православным населением, где велика доля культурной (формальной) религиозной идентичности, не сопровождающейся сильными религиозными переживаниями, усвоением религиозных догм и устоявшимися нормами религиозного поведения, а также в группах с низкой религиозностью духовная безопасность получает нерелигиозное содержание, перестает быть связана с религиозной системой и становится индивидуальным бременем, с которым приходится справляться собственными усилиями и духовными ресурсами.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности».

Библиографический список

1. *Васильева Е.Н.* Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1.
2. *Возьмитель А.А.* Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. Социология. Этнология. 2006. Т. 15. № 2.
3. *Забелин С.А.* Религия и безопасность: новые подходы ОБСЕ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2.

4. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 4.
5. Кисляков П.А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 5.
6. Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Омельченко Д.А. Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1.
7. Пономарев М.В. Закрепление императива традиционных духовно–нравственных ценностей: религиозно-институциональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12.
8. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1.
9. Саенко Н.Р., Саенко А.В. Духовная безопасность как составляющая национальной безопасности России // Успехи современной науки. 2016. № 1.
10. Сидоренко Н.С., Шахторин А.А. Феномен новых религиозных движений: трансформация религиозности в современной социокультурной ситуации // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4.
11. Смирнова Т.Б., Блинова А.Н. Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9. № 3.
12. Узбекова Ю.И. Трансграничные регионы азиатской России в парадигме центр-периферийных отношений // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды. М., 2017.
13. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М., 2020.
14. Хубер Ш., Хубер О.В. Шкала центральности религиозности (CRS) // Социология: 4М. 2018. № 47.
15. Элбакян Е.С. Метаморфозы институциональной религиозности (на примере христианства) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2023. № 3.
16. Campbell H.A. Introduction: The rise of the study of digital religion // Digital Religion. Routledge, 2012.
17. Campbell H.A., Bellar W. Digital Religion: The Basics. Routledge, 2022.
18. Ellison C.W. Spiritual well-being: Conceptualization and measurement // Journal of Psychology and Theology. 1983. Vol. 11. No. 4.
19. Gomez R., Fisher J.W. Domains of spiritual well-being and development and validation of the Spiritual Well-Being Questionnaire // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 35. No. 8.
20. Hann C. Problems with the (de) privatization of religion // Anthropology Today. 2000. Vol. 16, No. 6.
21. Hill P.C., Hood Jr. R.W. Measures of Religiosity. Birmingham, 1999.
22. Huber S., Huber O.W. The centrality of religiosity scale (CRS) // Religions. 2012. Vol. 3. No. 3.
23. Marsden L. Religion and International Security. John Wiley & Sons, 2019.
24. Seiple C., Hoover D.R., Otis P. (Eds.). The Routledge Handbook of Religion and Security. Routledge, 2012.
25. Stoeckl K. Multiple Modernities and Postsecular Societies. Routledge, 2016.
26. Zwingmann C., Klein C., Büssing A. Measuring religiosity/spirituality: Theoretical differentiations and categorization of instruments // Religions. 2011. Vol. 2. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510

EDN: YIPEIC

Religiosity, religious identity and security in the Asian border regions of Russia in postsecular reality*

**D.A. Omelchenko^{1,2}, S.G. Maximova^{1,2}, O.E. Noyanzina¹,
P. Tsedenbal², Ch.B.Munkhbayar²**

¹Russian Biotechnological University,
Volokolamskoe Sh., 11, Moscow 125080, Russia

²Altai State University,
Dimitrova St., 66, Barnaul, 656049, Russia

³Western Regional Branch of Mongolian State University,
Zhargalant bag, Khovd aimag, Zhargalant sum, Khovd, 84000, Mongolia

(e-mail: omelchenko@socio.asu.ru; Svet-maximova@yandex.ru; noe@list.ru;
purevsuren.khu@gmail.com; munkh9998@gmail.com)

Abstract. Postsecular society developing under ethnic and confessional diversity is characterized by the coexistence and interpenetration of traditional religious practices, individualized forms of spirituality, and secular attitudes, which creates unique challenges and opportunities for ensuring spiritual security and social stability. The article examines the features of religiosity, religious identity and perceptions of security among the population of Russia's Asian border regions (Altai Region, Altai Republic, Republic of Tuva) based on the sociological surveys conducted in 2024. The Centrality of Religiosity Scale and statistical modeling allowed the authors to identify the multilevel structure of religious consciousness and its influence on subjective assessments of personal and spiritual security and on social well-being. The results show that religiosity and religious identity are significant factors of spiritual security, but their impact depends on the regional ethno-confessional context. In regions with prevailing traditional religious practices, religious identity is closely linked to the sense of security, while in more secularized communities, spiritual security acquires a non-religious character. The analysis also revealed that the perception of spiritual security threats is largely determined by religious attitudes and the level of individual religious integration. The presented data broaden the understanding of religiosity as a complex social-psychological construct in postsecular society and highlight the need for further research of spiritual security mechanisms in multiethnic and multiconfessional border regions.

Key words: postsecular society; ethnic-confessional diversity; religiosity; religious identity; spiritual security; Asian border regions

For citation: Omelchenko D.A., Maximova S.G., Noyanzina O.E., Tsedenbal P., Munkhbayar Ch.B. Religiosity, religious identity and security in the Asian border regions of Russia in postsecular reality. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2): 491–510. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510> EDN: YIPEIC

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 24-48-03002 “Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderland: Institutional and network mechanisms for constructing religious and ethnic identities and security in a post-secular reality” (2024–2026).

*© D.A. Omelchenko, S.G. Maximova, O.E. Noyanzina, P. Tsedenbal, Ch. B.Munkhbayar, 2026
The article was submitted on 04.08.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

References

1. Vasileva E.N. Novye religioznye dvizheniya: ponyatie i spetsifika [New religious movements: Concept and features]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. 2016; 1. (In Russ.).
2. Vozmitel A.A. Dukhovnaya bezopasnost: sotsiologichesky analiz [Spiritual security: Sociological analysis]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2006; 15 (2). (In Russ.).
3. Zabelin S.A. Religiya i bezopasnost: novye podkhody OBSE [Religion and security: New OSCE approaches]. *Nauchno-Analitichesky Vestnik Instituta Evropy RAN*. 2020; 2. (In Russ.).
4. Kazanova Kh. Razmyshlyaya o postsekulyarnom: tri znacheniya “sekulyarnogo” i tri vozmozhnosti vykhoda za ego predely [Reflecting on the postsecular: Three meanings of “secular” and three possibilities beyond its limits]. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2018; 36 (4). (In Russ.).
5. Kislyakov P.A. Sotsialnaya bezopasnost lichnosti: funktsionalnye komponenty i napravleniya formirovaniya [Personal social security: Functional components and directions of formation]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012; 5. (In Russ.).
6. Noyanzina O.E., Maksimova S.G., Omelchenko D.A. Traditsionnoe i modernizatsionnoe v konstruirovani tsnostnyh osnovaniy zhiznennykh perspektiv molodezhi (Tuva i drugie regiony) [Traditional and modernization aspects in constructing value foundations of the youth life prospects (Tuva and other regions)]. *Novye Issledovaniia Tuvy*. 2023; 1. (In Russ.).
7. Ponomarev M.V. Zakreplenie imperativa traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsnostei: religiozno-institutsionalny aspekt [Consolidation of the imperative of traditional spiritual-moral values: A religious-institutional aspect]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniia*. 2023; 12. (In Russ.).
8. Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantieva V.A. Dukhovnaya bezopasnost v sovremennom rossiyskom obshchestve: ugrozy i puti ih preodoleniya [Spiritual security in the contemporary Russian society: Threats and ways to overcome them]. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*. 2019; 1. (In Russ.).
9. Saenko N.R., Saenko A.V. Dukhovnaya bezopasnost kak sostavlyayushchaya natsionalnoi bezopasnosti Rossii [Spiritual security as a component of Russia’s national security]. *Uspekhi Sovremennoi Nauki*. 2016; 1. (In Russ.).
10. Sidorenko N.S., Shakhtorin A.A. Fenomen novykh religioznykh dvizheniy: transformatsiya religioznosti v sovremennoi sotsiokulturnoi situatsii [Phenomenon of new religious movements: Transformation of religiosity in the contemporary social-cultural situation]. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kultura*. 2019; 4. (In Russ.).
11. Smirnova T.B., Blinova A.N. Etnodemograficheskie protsessy v prigranichnykh regionakh Aziatskoi Rossii v novykh usloviyakh povorota na Vostok [Ethnic-demographic processes in border regions of Asian Russia under the new turn to the East]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. 2024; 9 (3). (In Russ.).
12. Uzbekova Yu.I. Transgranichnye regiony aziatskoi Rossii v paradigme tsentr-periferiynykh otnosheniy [Cross-border regions of Asian Russia in the paradigm of center-periphery relations]. *Mnogovektornost v razvitii regionov Rossii: resursy, strategii i novye trendy*. Moscow; 2017. (In Russ.).
13. Uzlaner D. *Postsekuliarny povорот. Kak myslit o religii v XXI veke* [Postsecular Turn: How to Think about Religion in the 21st Century]. Moscow; 2020. (In Russ.).
14. Huber S., Huber O.W. Shkala tsentralnosti religioznosti (CRS) [Centrality of Religiosity Scale (CRS)]. *Sotsiologiya: 4M*. 2018; 47. (In Russ.).
15. Elbakyan E.S. Metamorfozy institutsionalnoy religioznosti (na primere khristianstva) [Metamorphoses of institutional religiosity (on the example of Christianity)]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. 2023; 3. (In Russ.).
16. Campbell H.A. Introduction: The rise of the study of digital religion. *Digital Religion*. Routledge; 2012.
17. Campbell H.A., Bellar W. *Digital Religion: The Basics*. Routledge; 2022.

18. Ellison C.W. Spiritual well-being: Conceptualization and measurement. *Journal of Psychology and Theology*. 1983; 11 (4).
19. Gomez R., Fisher J.W. Domains of spiritual well-being and development and validation of the Spiritual Well-Being Questionnaire. *Personality and Individual Differences*. 2003; 35 (8).
20. Hann C. Problems with the (de) privatization of religion. *Anthropology Today*. 2000; 16 (6).
21. Hill P.C., Hood Jr. R.W. *Measures of Religiosity*. Birmingham; 1999.
22. Huber S., Huber O.W. The centrality of religiosity scale (CRS). *Religions*. 2012; 3 (3).
23. Marsden L. *Religion and International Security*. John Wiley & Sons; 2019.
24. Seiple C., Hoover D.R., Otis P. *The Routledge Handbook of Religion and Security*. Routledge; 2012.
25. Stoeckl K. *Multiple Modernities and Postsecular Societies*. Routledge; 2016.
26. Zwingmann C., Klein C., Büssing A. Measuring religiosity/spirituality: Theoretical differentiations and categorization of instruments. *Religions*. 2011; 2 (3).